

Для твоё
Россия

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

СВЯТОЙ АДМИРАЛ РУССКОГО ФЛОТА

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2017

ЮНЫМ УШАКОВЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОТ АВТОРА

Наверное, не все вы, ребята, видели море. Море – это до самого горизонта вода. Там, далеко-далеко, в нее вечером погружается солнце.

Моря называются по-разному. У нас есть море Белое – северное, но незамерзающее, есть возле Африки теплое Красное море, а возле Китая – Желтое море, такого цвета, как сами китайцы. А вот море Черное в старину называли Русским. Потом, было время – Русь оттеснили от всех морей, и стала она сухопутной, а не морской державой; тогда море стало называться Черным.

Если на море задувает сильный ветер, то он разгоняет, раскачивает высокие темные волны – иногда выше многоэтажного дома. И корабль взлетает на их гребни, как щепочка. Вот тогда про любое море можно сказать – Черное...

Раньше корабли строили деревянные, с высокими мачтами, и на них ставили паруса, чтобы двигались корабли под напором ветра. Ветер наполнял большие и малые паруса, и они толкали судно вперед, а если надо – помогали разворачивать его.

Требовалось большое мастерство, чтобы управлять таким кораблем со всеми его парусами. Надо было то распускать их

во всю высоту мачты, то сворачивать и привязывать к поперечным перекладинам – реям. Для этого матросам приходилось забираться по мачтам на самый верх, когда волны раскачивали корабль, а ветер вырывал канаты из рук. Храбрые, сильные и умелые люди были матросы, и командовать ими могли тоже самые отважные и умелые, самые умные и опытные командиры.

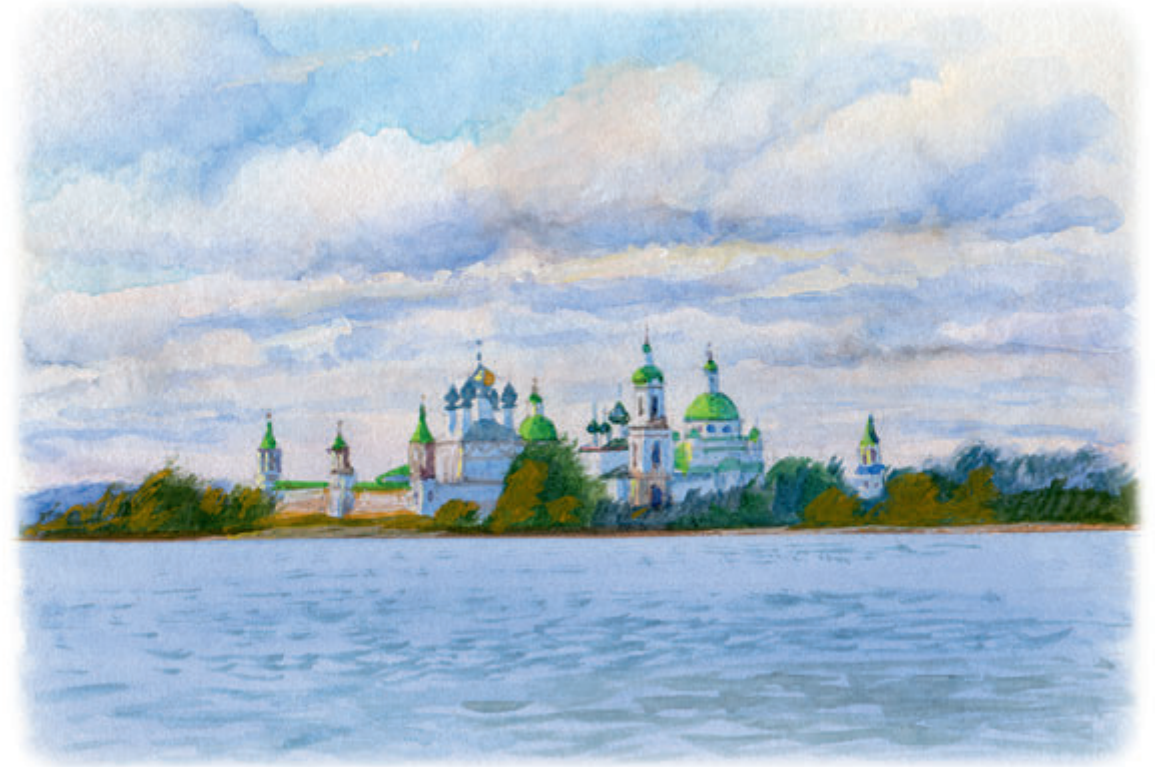
Вот таким храбрым, смелым и опытным был на нашем флоте его командующий, адмирал Федор Ушаков. Жил он больше двухсот лет назад, во времена императрицы Екатерины Второй, а в наше время этот отважный воин, при жизни получивший множество боевых наград, был прославлен еще и как святой Русской Православной Церкви.

Кто же становится святым? Тот, кто крепко верит в Бога, всеми делами служит Ему, кто неустанно молится и исполняет Божии заповеди, кто искренне любит ближних. Это человек милосердный и праведный, скромный и смиренный. Но разве могут стать такими военные люди, да еще командиры? Это очень трудно, почти невозможно, ведь надо сражаться с врагами Отечества. Не только в бою, а даже и после боя, после победы не так-то легко проявить к ним милосердие. Но таким был адмирал Федор Ушаков, такими были и другие наши святые воины – князья Александр Невский и Дмитрий Донской.

Из этой книжки, а потом из жития Федора Ушакова мы узнаем о его святой, праведной жизни, о том, как он подготовил себя к ней, как и на войне исполнял заповеди Христовы, как молился перед боем и после него. Как, закончив военную службу, не окончил свое служение Господу, а, наоборот, все силы и молитвы обратил к Нему, проявляя милосердие и благотворительность, помогая бедным, больным, увечным и другим попавшим в беду людям.

* * *

Федор Ушаков родился на берегу Волги, можно сказать, в самой глубине, в центре России – на Ярославской земле.

Отсюда его исток, здесь его родина. А Ярославская земля – особенная: здесь родились, жили и подвизались многие русские святые.

Впрочем, поинтересуйтесь: ведь почти в каждом крае России жили или упокоились святые, которых мы знаем. Вот в Сергиевом Посаде Московской области – мощи великого святого Русской земли Сергия Радонежского, в Нижегородской области, в городе Сарове – мощи святого Серафима Саровского, в Петербурге – мощи святого князя Александра Невского, святых Иоанна Кронштадтского, Ксении Петербургской, в Белгороде – Иоасафа Белгородского, в Воронеже – Митрофания Воронежского. Заведите себе тетрадку или блокнот, записывайте туда места, области, города, где прославились русские святые, где воссияли их мощи. Так вы будете познавать духовную историю нашей Родины.

Так вот, Федя Ушаков, отец которого служил в знаменитом гвардейском Преображенском полку в Петербурге,

родился, когда отец уже вышел в отставку и жил в деревне Хопылево. Крестили Федю в церкви Богоявления-на-Острове. При ней же была и школа для дворянских детей, где он учился грамоте и счету. Нынче остров сросся с берегом, и церковь того времени стоит, не до конца восстановленная, на левом берегу Волги. А когда заходишь в нее, так и кажется, что вот-вот послышится голос младенца Феди или уже его отроческая молитва... Если приедете туда, помогите там собрать мусор, посадите цветы возле храма, войдите в него, постойте, закрыв глаза. Может быть, услышите, как шумят волны, откуда-то издалека раздаются команды, слышится глухой гром пушек. Может быть, просто произнесете: «Святой праведный воин Феодор, моли Бога о нас!» А он и молится за нас, укрепляет наш дух.

Родители Феди в детстве учили его всему доброму и полезному. Он умел читать, быстро считал, знал географию и, несмотря на то, что был дворянином, а не крестьянином, умел косить траву, рубить дрова, ловить рыбу, грести на лодке. Когда научился плавать, то переплывал Волгу. Вместе с отцом и мамой он читал все утренние и вечерние молитвы, знал жития многих святых.

В роду Ушаковых все были люди военные, службу несли и в пехоте, и в кавалерии, но все в сухопутных войсках. А вот Федя хотел служить на флоте, на море, которого он, правда, никогда не видел...

И в феврале 1761 года, в возрасте шестнадцати лет, отец определил его в Морской шляхетный кадетский корпус в Петербурге, то есть в училище, где готовили морских офицеров. Не странно ли: парнишка в жизни не видел моря, а захотел стать морским офицером? Нет, ничего странного: Россия в то время тянулась к морю. И все наши великие флотоводцы вышли из глубин страны. Федор Ушаков – из Ярославской земли, адмирал Нахимов, который разгромил турецкий флот в Синопе и погиб, сражаясь за Севастополь, – из Смоленской, адмирал Спиридов, победивший во многих битвах, родился в Тверской губернии, адмирал Сенявин – в Калужской.

Древняя Русь, праматерь нынешней России, была морской державой. Через два ее главных города – Новгород и Киев – пролегал великий водный путь «из варяг в греки», то есть от северных племен варягов до Греции – Византии, откуда к нам пришло христианство. Этот путь соединял два моря: Балтийское и Черное, которое – помните? – в то время называлось Русским, ибо много больших и малых кораблей Древней Руси бороздили его просторы.

СВЯТАЯ РУСЬ КРУГОМ

Отец читал вечерние молитвы долго и не терпел, если кто его прерывал. Молился он, чтобы Бог даровал ему и его семье праведную жизнь, молился за своих бывших сослуживцев преображенцев, за их здоровье. За императрицу Елизавету, за Отечество российское. Ну и, конечно, за брата своего Ивана, ушедшего из гвардейцев-преображенцев в монахи. Отец одобрял решение Ивана, но не нравилось ему, что сделал это брат тайно. Жена же его Параскева Никитична говорила, что то воля Божия, и тут он соглашался.

Параскева Никитична в другой горнице читала из Молитвослова молитвы с детьми Федором и его братом Иваном, иногда объясняя непонятное или обещала рассказать после моления.

В тот вечер тихо постучали в двери. Отец за закрытой дверью не слышал, а мать шепнула Феде:

– Поди открой: кого нам Бог послал на ночь?
В проеме двери стояли два монаха. Который постарше сказал:
– Спроси у батюшки, отрок, можно ли заночевать двум странствующим?

Но уже подошла мать и захопотала:

– Заходите-заходите, люди добрые, вот закончим молитву, и ужинать накрою.

– Нам, матушка, ничего не надо: мы сыты Божиим благоволением. А вот помолимся вместе с вами.

Помолились. Вышел Федор Игнатьевич, спросил дружески:

– Куда и откуда путь держите? По какой надобности?

Старый странник степенно погладил бороду, отвечив:

– Имею послушание пройти по нашей святой земле до Белоозера, а оттуда получить послание в Троице-Сергиеву Лавру, откуда и иду. А спутник мой выбирает пустынное монастырское пристанище, где бы ему уединиться для молитвы.

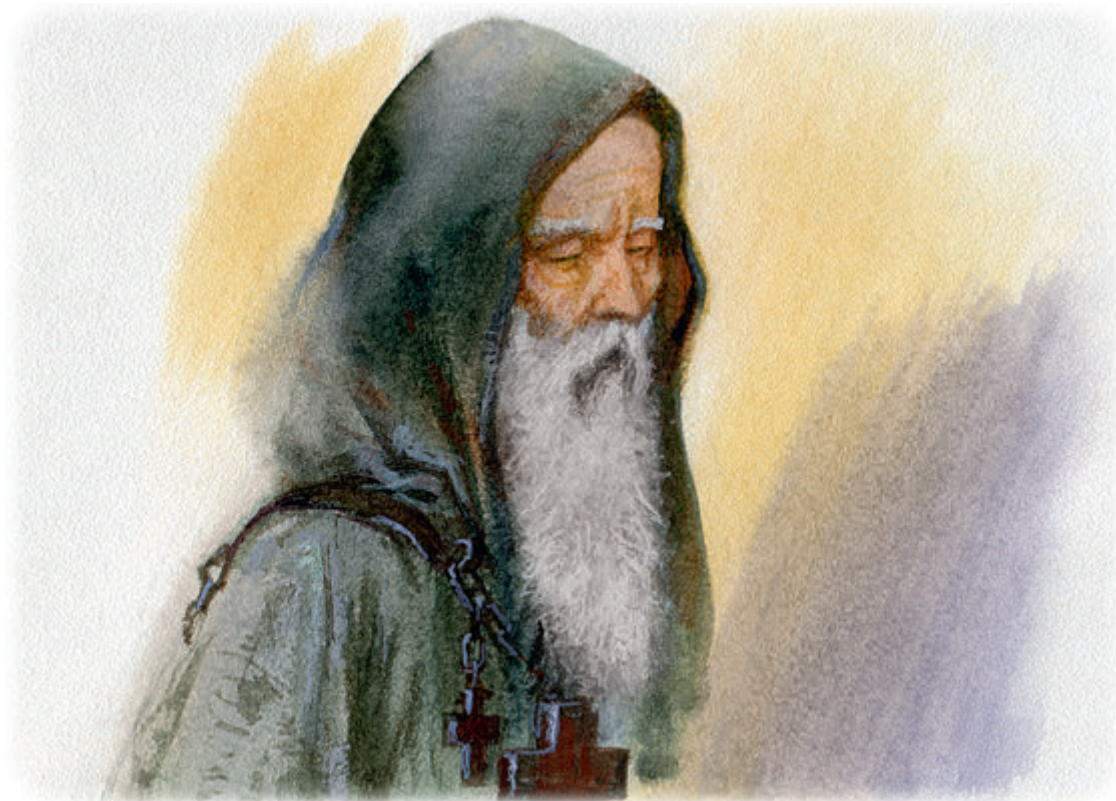
– Батюшка, – не решаясь обратиться прямо к монаху, спросил Федя, – а пошто он землю нашу святой называет, ведь она там, – он показал рукой на юг, – святая-то, вокруг града Иерусалима.

– Да пусть тебе он и скажет, как понимает, – обратил взор к монаху отец.

– Разумей, отрок, что Русь наша издавна святая: раньше из Киева и Новгорода святилась, а позднее из обители великого нашего преподобного отца Сергия, игумена Радонежского. Знаешь ли ты что-либо об этом святом?

Федор знал, ибо отец ему рассказывал о непрестанных молитвах, что совершал тот в лесу, где строил храм и келью. Знал, что до монашества, будучи еще отроком Варфоломеем, он встретил в лесу светоносного странника, который напутствовал его, и что приходил к нему в монашескую пустынь медведь и не тронул его, а потом собрались вокруг него молитвенные люди – монахи. Сказал об этом монаху. Тот покивал головой.

– Вот мы и идем оттуда, из Сергиева Посада, из самой Лавры. По пути в Хотькове были: там его родители упокоились.

Проходили славные города Переяславль, Ростов Великий, в тамошних храмах молились.

Отец добавил:

– А еще, Федор и Иван, вы знать должны, что преподобный Сергей благословил великого князя Дмитрия на бой с агарянами хана Мамаю – на Куликовскую битву, да с ним еще двух иноков из монастыря отправил – Пересвета и Ослябю. Сам же молился за князя, за воинов и за победу. Ту великую битву князь выиграл, а мы позднее от басурманского ига освободились.

Монах согласно кивнул:

– Да, то знать надо.

И, уже продолжая воинскую тему, поведал про город Переяславль: там владел землями и жил святой князь Александр, прозванный Невским за победу на Неве над напавшими на Русь шведами.

Отец снова добавил, что двумя годами позже в тех же краях князь на льду Чудского озера разгромил войско тевтонских рыцарей, хотевших покорить православный народ. И за многие победы, за неустанную защиту русских земель его на Руси и почитают святым.

Сам же отец, когда служил в Преображенском полку, к его мощам прикладывался в Петербурге, ибо Петр-государь привез честные останки князя в северную столицу и там навсегда их оставил. С того времени святой князь – покровитель великого города.

Монах с уважением посмотрел на отца и дальше продолжил про город Ростов Великий: в нем ведь и написана вот эта самая, лежащая на столе в горнице книга «Четьи-Минеи» – сказания и истории о святых людях.

Федя все больше дивился, что во многих землях и городах – и рядом с ними, и в отдаленных – жили такие славные и даже святые люди. Значит, повсюду на Руси могут быть и витязи и праведники.

Монах согласился: на то она, Русь, и святая, а потому кругом ее хранить и беречь надо, не отдавать на поругание иноземцам. Вот и от ваших мест недалеко жил и молился истинный защитник Православной Руси. То был необычный и прозорливый святой монах Иринарх, что тридцать лет провел в непрестанной уединенной молитве – в затворе, как это называют. Да еще навесив на себя вериги – железные цепи да оковы, кресты тяжелые.

– А пошто он так себя угнетал? – спросил Федя.

– Да чтобы хоть часть страданий Господа нашего на себе испытать и почувствовать, ближе к Нему стать и молиться Ему за нас всех. А за то Бог давал ему силу провидения, и шли к нему люди за поддержкой и советом, чтобы узнать свою судьбу. В трудное время Русского государства именно он предсказал царю Василию Шуйскому, что нападут на Русь ляхи и литвины – латиняне, противники Церкви Православной. Царь, однако, не внял, не услышал про опасность.

И началась на Руси великая Смута, поднялся мятеж, разразился голод, изменили бояре. А латиняне вошли в землю Русскую, стольный град Москву захватили, пленили царя Василия, посадили в Кремль своего короля и стали издеваться над народом. Тогда опомнились наши люди и в Нижнем Новгороде соединились, собрали отряды воинов – ополчение – и двинулись на Москву.

Шли они через ваш Ярославль и город Рыбинск, но сюда ополчение еще в некоторой худости и некрепости прибыло. И прослышали воины – да то еще были не воины, а люди добровольные, – что тут, в монастыре на Устье, подвизается известный монах Иринарх – провидец и великий молитвенник за Русь.

И тогда, – монах даже привстал, чтобы показать, что он скажет самое главное, – предводители ополчения князь Дмитрий Пожарский и купец Кузьма Минин отправились к Иринарху за благословением. Тот благословил их, как Сергей Радонежский, только не иноков дал в помощь, а снял с себя крест, вручив его на освобождение Москвы от супостатов. Вскоре они ее и освободили, короля чужеземного из Кремля выгнали, и князь Пожарский привез Иринарху крест с благодарностью.

– Батюшка, – с надеждой спросил Федя, – поедем к тому монаху, попросим благословения, он ведь недалеко от нас живет.

– Нет, отрок, – покачал головой монах, – преподобный Иринарх давно почил в Бозе. Но келья его есть, и там лежат вериги, кои у всех, кто видит сии железа, страх и восторг вызывают. Ибо обычная человеческая природа сии тяжести выдержать не может.

Отец тоже задумался о необычной судьбе монаха, а потом кивнул Феде и Ивану.

– А вот мы с вами и съездим в то памятное и славное место, помолимся и в келью столь славного подвижника зайдем. Пусть вас его подвиг наставит на путь правый.

Монахи еще долго рассказывали о святых местах Рыбинска, Ярославля, Белозерья, а Федя дивился и радовался, сколь велика и свята земля Русская, сколь прекрасно она украшена и сколь много славных людей на ней жили. Ночью ему снились странники, идущие по дорогам. Один из них, в светлом одеянии и с сиянием над головой, помахал Феде, вроде бы позвал с собой. А он и пошел за ним.

ГАРДЕМАРИН УШАКОВ

Петербург – тогдашняя столица России, Морской шляхетный кадетский корпус. В него и поступил учиться Федор Ушаков.

Морской кадетский корпус был одним из лучших учебных заведений столицы. Тут служили блестящие преподаватели, военные моряки, офицеры, учившие устройству корабля, тактике морских батальонов, мореходству, кораблестроению и кораблевождению, и ученые специалисты по математике, геометрии, астрономии, истории, иностранным языкам, по фехтованию и артиллерийским наукам.

Федор Ушаков учился отменно, без поблажек от учителей и от себя. А молитва сопровождала его во все годы учебы: службы в церкви он не пропустил ни разу. И вот пришел час окончания Морского корпуса. Сам директор – морской

командир и о воспитанниках всегдашний заботник Иван Логинович Голенищев-Кутузов обратился к гардемаринам:

– Любезные мои сотоварищи по делу морскому, большую ношу вы на себя взяли, ибо ведаете, что Россия наша ныне держава морская, и ей всегда нужны верные морские служители. Русь и издревле была морской державой, но позднее те земли, что у морей лежали, потеряла. Государь Петр Великий здесь, на Балтийском море, снова укрепился, в Европу окно прорубил, а на Черном море потерпел поражение. Вам, господа гардемарины, предстоит снова Черное море в наше, славянское, море превратить!

Стоящий в строю гардемарин Федор Ушаков слушал внимательно и думал о себе: он входит в большое плавание, в самостоятельную жизнь, где отвечает сам за себя, где от его умения зависит жизнь многих.

– Господи, – перекрестился он, – буду служить честно, не дам себе покою ни в чем, корабль будет моим домом, в море будут мои дороги. России отдам все свои силы. Господи, благослови!

Дробь барабана возвестила: Российский флот получил новое пополнение офицеров. Прощай, гардемарин, здравствуй, мичман Ушаков!

Федор прощался с Санкт-Петербургом. Надо было отправляться на корабль. Пришел и в Александро-Невскую лавру, приложился к мощам святого благоверного князя Александра Невского, положил пожертвование из первого морского жалования в монастырскую кружку и долго стоял близ нее, вспоминая судьбу своего дяди Ивана. Тот совсем недавно, уже монахом Феодором, целый год стоял здесь по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны, оберегая подношения верующих. Его монашеский подвиг поразил Федора, а молитвенную службу в монастыре он считал подвигом и стремился все узнать о дяде, встретиться с ним.

Еще перед поступлением Феде в Морской корпус дядя Иван, в монашестве Феодор, обитавший тогда в Александро-Невской лавре, рассказывал, что вскоре отправляется в Саровскую пустынь с духовным братством единомышленников.

– Я ведь был, – говорил отец Феодор, обращаясь к Феде, – преображенским гвардейцем, а Петербург – город, полный соблазнов, вот и мы разгульную жизнь вели: пили, кутили... И однажды в разгар веселья вдруг один из друзей моих у меня на глазах упал с сердечным приступом и умер. Умер без исповеди, без покаяния, в одну секунду. Я был потрясен, сердце мое почти остановилось, и решил я отойти от мира, оставить все соблазны и препятствия к добродетельной жизни, устремиться к отечеству небесному. Переоделся в черную одежду и ушел в лес, молился, но меня задержали как беспаспортного, привезли в Петербург к императрице Елизавете Петровне. Та с удивлением спросила: «Зачем ты ушел из гвардии?»

Я ей ответил: «Чтобы отдать полностью жизнь Богу и Церкви и спасти душу». Императрица удивилась, но сказала, что прощает меня и предлагает возвратиться в гвардию в прежнем чине.

Объяснил ей, что не из гордости ушел, а истинно для спасения души. Тогда она спросила: «Что хочешь?» Я ответил: «В Саровскую пустынь!» «Хорошо, – отвечала, – но постой год в Александро-Невской лавре у кружки».

Вот и стою, исполняю волю императрицы и монастырское послушание.

Поговорили еще. Дядя спросил племянника:

– Кем желаешь стать?

Федя потупился и сказал:

– Морским офицером.

– Служба государева Богу угодна, – погладил его по голове отец Феодор. – В миру будешь жить, отрок, а он бывает жесток и несправедлив. И моя судьба может послужить тебе уроком. Я ведь был пострижен в монахи в честь святого нашего князя Феодора Ярославского. Хотел бы я, чтобы деяния этого воина святого просветили и тебя, отрок, чтобы на путях твоих дальних были свершения великие. Думай же всегда о Боге, о ближних. Ведь кто о ближних не радеет, тот, мыслю, и в вере твердым остаться не может. Люби и тех человек, с которыми будешь сражаться, – и ждет тебя победа.

Страшно как-то и радостно было Феде, в душе у него что-то затрепетало и позвало вдаль, в неведомый доселе мир.

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Вот и море! Мичман Федор Ушаков – в первом своем дальнем морском походе на небольшом транспортном корабле «Пинк». Вышел он из морской крепости Кронштадт, что прикрывает своими пушками столицу России Санкт-Петербург, – из порта, где стоит Балтийский флот России. Прошел корабль моря Балтийское, Северное, Норвежское, обогнул Скандинавию и вышел в море Мурманское (теперь оно Баренцево), а затем и в Белое, к нашему старинному городу Архангельску. Переход нелегкий: постоянно срывался ветер, подымая высокую волну, корабль болтало и раскачивало, иным молодым морякам становилось плохо, кого-то тошнило, кто-то с трудом стоял на палубе, скользил и падал.

Мичман Ушаков, широко расставив ноги, стоял как вкопанный и отдавал команды. Сегодня утром была его смена, или, как говорят моряки, вахта. Ветер изменился, а значит,

надо было менять расположение парусов – «ловить ветер», а с ним и скорость.

Если сейчас на кораблях работают машины и движут их, куда нужно, невзирая на ветер, то тогда, в XVIII веке, движение, скорость судна зависели от того, наполнятся ли паруса ветром, сумеет ли командир придать им нужный угол и повести корабль заданным курсом. Мичман Ушаков освоился с парусами: они слушались его, а он умело управлял ими.

В то утро, когда корабль входил в Белое море, шквал ветра обрушился на него внезапно. Федор отдал команду, и моряки стали проворно взбираться на мачты; их босые ноги заскользили по пертам – тросам, висящим под реями для опоры. Перегнувшись через рей, каждый на своем месте, они быстро вязали снасти, освобождая одни паруса и сворачивая другие. Почти все, исполнив приказ, спустились вниз. Но один матросовичок, только что начавший службу, растерялся. Судорожно цепляясь за снасти, долго не отпускал их, как бы пробуя на крепость. Наконец попытался двинуться обратно к мачте вдоль рей, качавшейся в такт волнам. Но тут же остушился, ноги его соскользнули с перта, и он повис над палубой. Боцман, мельком взглянув на Ушакова, крикнул: «Держись!»

– Полотно! Полотно под него разверните! – раздалась команда.

Моряки развернули полотнище парусины, взявшись за углы, тревожно следили за болтающимся матросом.

– Пускай! Бросай рею! – закричал боцман. – Падай вниз!

Матрос от страха ничего не слышал, и казалось, никакая сила не сможет оторвать его от рей.

– Эх! – мотнул головой Ушаков и проворно полез вверх.

– Куда вы, ваше благородие, расшибетесь, – неуверенно проговорил боцман.

Ушаков, стремительно переступая по пертам, не глядя под ноги, быстро добрался до матроса, схватил за парусиновую рубашку, намотал ее край на руку и потянул к себе.

– Ставь ногу... вот... вот так, – приговаривал он, – еще сюда... а теперь переступи сюда. Еще, не бойся... видишь, я же с тобой.